
РЕЦЕНЗИИ

УДК 391.06.064

Рецензия на книгу:
**Collection Chabelskaya. Une Russie fin siècle:
Portraits de femmes en costume traditionnel**

PARIS, 2010. — 128 с.

ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА БАРХАТОВА

Национальная российская библиотека, Санкт-Петербург
Кандидат искусствоведения, заведующая отделом эстампов
e-mail: e.barkhatova@nir.ru

Рецензия посвящена изданию, рассказывающему о знаменитой фотоколлекции Н.Л. Шабельской и выставке народного костюма из собрания РЭМ, которая состоялась в 2009 г. в Париже.

Ключевые слова: фотоколлекция, народный костюм, Н.Л. Шабельская.

УДК 391.06.064

Review of: *Collection Chabelskaya. Une Russie fin siècle:
Portraits de femmes en costume traditionnel*

PARIS, 2010. — 128 pp.

ELENA V. BARKHATOVA, Ph.D. (Art Criticism)

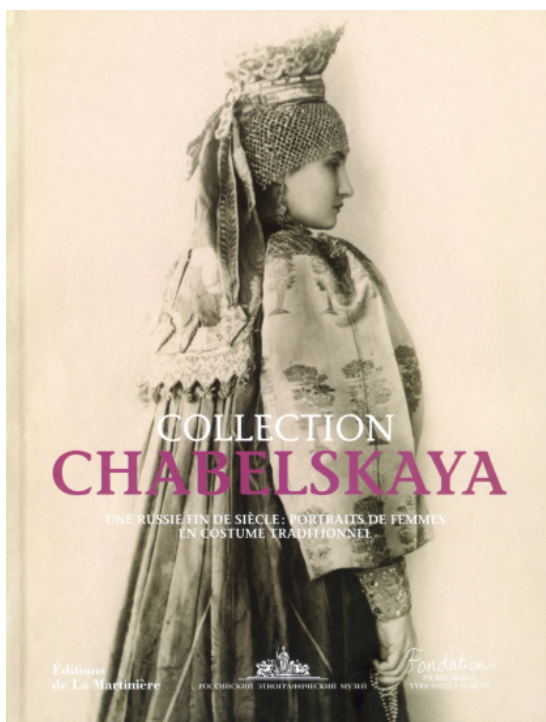
Head, Department of Prints,
National Library of Russia, St. Petersburg
e-mail: e.barkhatova@nir.ru

Reviewed is the publication giving an account of the famous Chabelskaya photographic collection and a display of folk costume from the Russian Museum of Ethnography held in Paris in 2009.

Key words: photographic collection, folk costume, N.L. Chabelskaya.

Издание альбома, в котором представлены фотографии из знаменитой коллекции Натальи Леонидовны Шабельской, приурочено к выставке народного костюма русских женщин XIX — начала XX в. из собрания Российского этнографического музея, которая состоялась в 2009 г. в Центре Ив Сен-Лорана в Париже.

Впервые образцы этой уникальной рукотворной коллекции, которой выпала очень непростая судьба, были показаны широкой публике еще в 1890 г. в Москве на выставке, организованной к открытию VIII Археологического съезда. Затем уже вся коллекция «в самом полном и блестящем виде», как писали совре-

менники, экспонировалась в 1892 г. в столичном Петербурге, в Николаевском дворце, на выставке, устроенной Красным Крестом в пользу голодающих. Восхищенный В.В. Стасов написал тогда: «Все меня в этой выставке восхищает: и собрание превосходных работ, выполненных древней русской женщиной, и необычайный женский почин, необычайное знание со стороны русской современной женщины, употребившей 20 лет жизни на то, чтобы со всех концов России добыть и соединить в своем музее образцы художественного труда <...> Шабельская принадлежит к тому поколению новых русских женщин, которые не только живут уже интеллектуальной жизнью, не только поступили уже работницами в почетный легион русских деятелей по части литературы, науки, искусства, но еще вдобавок ясно чувствуют, что такое наша национальность, страстно любят ее и отдали на служение ей всю свою жизнь»¹.

«Новая русская женщина», Шабельская не только приобретала старинные костюмы, образцы народного декоративного творчества в поездках по селам и деревням или в путешествиях по Волге. Она читала специальную литературу — труды Ф.И. Буслаева, И.Е. Забелина, которые были знатоками русского народного творчества. Она пользовалась советами ярого поборника национальной самобытности В.В. Стасова, который был дружен с ней. Рабо-

тая в Императорской Публичной библиотеке, Стасов не только рекомендовал Шабельской специальную литературу по орнаменту или шитью, но и составлял необходимые для ее собирательских интересов историко-художественные маршруты в заграничных путешествиях. Энергичная и целеустремленная, Шабельская тщательно изучала подлинные предметы костюма и утвари в общественных и частных собраниях, в монастырях и церковных ризницах, а затем воссоздавала их, заказывая новые образцы крестьянкам различных губерний, вышивальщицам и кружевницам, которые работали в мастерской ее харьковского имения.

Шабельская одной из первых занялась реконструкцией народного костюма в эпоху, когда он еще бытовал в жизни общества, когда еще были живы традиции его рукотворного изготовления, не забыты уникальные технологии работы с природным материалом. Но одновременно именно тогда этому мощному пласту народной культуры стала угрожать опасность исчезновения, о чем со свойственным ему пылом свидетельствовал тот же Стасов: «Задача была новая и прекрасная, и для нее было тогда самое настоящее время, так как старинные русские вышивки и кружева все более и более выходили из употребления даже у самих крестьян, в среде которых молодежь начинала нелепо обращаться к европейским костюмам, модам и украшениям, а сверх того, все вышитое золотыми и серебряными нитками, а также все позументы шли корыстным образом прямо на выжигу»².

Шабельская не только стала спасать народный костюм от забвения и воссоздавать его, но и последовательно пропагандировать — как на родине, так и за рубежом.

Женские платья и сарафаны, шубы и головные уборы, вышивки золотом и серебром, украшения из коллекции Шабельской вскоре стали путешествовать по миру. В альбоме, посвященном парижской выставке 2009 г., К.Ю. Соловьева сообщает, что предметы из «Музея старины», который размещался в московском особняке Шабельской на углу Садовой и Бронной улиц, в 1893 г. увидели на Всемирной выставке в Чикаго, а затем и в других городах США, в 1894 г. — в Брюсселе и Антверпене. А в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже Шабельская построила русский «теремок», наполнив его одеждой и утварью, привезенными из ее московского «Музея старины». «Теремок» стал настоящей жемчужиной русского отдела этой последней в XIX в. выставки, жюри которой удостоило коллекцию Шабельской бронзовой медали. Именно об

этом важном эпизоде напомнил в предисловии к альбому, посвященному парижской выставке 2009 г., В.М. Грусман, директор Российского этнографического музея, в котором хранится сегодня значительная часть коллекции Шабельской.

Она умерла в 1904 г. в Ницце, и две ее дочери, обеспокоенные судьбой редкого и ценного собрания, в 1906 г. подарили, исполнив волю матери, 1478 предметов в Этнографический отдел Русского музея императора Александра III. 2596 предметов из коллекции Шабельской, как сообщается в сопроводительной статье, были принесены тогда же в дар музею императором Николаем II, который приобрел их за 40 000 рублей золотом в рассрочку на 5 лет.

К.Ю. Соловьева пишет, что одна из сестер — Варвара Петровна (в замужестве Сидамон-Эристова) уехала в Париж в начале 1925 г., а летом того же года к ней выехала и Наталья Петровна Шабельская. В Россию сестры больше не вернулись. Предметы, оставшиеся в их собственности, составили, как сообщалось в публикации С. Израеловой, «полноценную в научном отношении, хорошо подобранную и разнообразную коллекцию, насчитывавшую, по всей видимости, более 1000 единиц»³. Часть коллекции сестры Шабельские в 1914 г. вывозили на выставку в Лондон. Затем собрание было переправлено ими в Ниццу, где оно хранилось около 40 лет, постепенно переходя в частные и государственные собрания, в музеи США. В 1950-е гг. была сделана попытка приобрести коллекцию для Советского Союза, но тогда возвращение ее на родину не состоялось. Лишь в 1991 г. часть коллекции смогла вернуться в Россию благодаря дару жившего в Париже русского эмигранта П.М. Толстого-Милославского.

Сегодня знаменитое собрание Шабельской хранится в разных музеях нашей страны — Российском этнографическом музее, Государственном Эрмитаже, Государственном Русском музее, Государственном Историческом музее, Ярославском историко-художественном музее-заповеднике, Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства в Москве. Нет необходимости подчеркивать, что оно активно изучается и экспонируется; составляющие его предметы и объекты публикуются, вводятся в научный оборот. Ярким примером этих процессов и стала, несомненно, прошедшая с большим успехом в Париже выставка 2009 г., на которой Российский этнографический музей кроме часто экспонируемого народного костюма русских женщин XIX — начала XX в. впервые показал французскому зрителю

65 винтажных фотографий из коллекции Шабельской.

Интересно и показательно, что именно они стали основой альбома, посвященного выставке, а отнюдь не современные красочные снимки, на которых можно было бы эффектно запечатлеть старинные сарафаны, шубы, кокошники и прочую радующую глаз своей самобытностью одежду, показать ее колористическое богатство, подчеркнуть фактурное разнообразие материалов. Все это сегодня с большим вкусом умеют делать мастера модной фотографии, особенно во Франции. Многие из них наверняка могли бы с удовольствием использовать и ставший уже традиционным прием демонстрации старой аутентичной одежды на фигурах современных гламурных красавиц или знаменитых актрис.

Издатели альбома пошли, однако, по другому пути, сосредоточившись на, казалось бы, более скромных и менее выигрышных экспонатах выставки — старых монохромных снимках. Однако этот путь оказался весьма плодотворен и эффективен — подлинны позитивы, созданные одновременно с формированием костюмной коллекции, не только подчеркивают ее предельную достоверность и документальную точность. Эти снимки интересны сегодня не менее запечатленных на них предметов одежды, так как являются редчайшими образцами «модной фотографии», которая в конце XIX — начале XX в. лишь начинала свое развитие, завершившееся сегодня ее несомненным тотальным триумфом.

В своей содержательной и информативной статье К.Ю. Соловьева пишет, что эти кадры делались с целью фотофиксации коллекции и приводит строки из письма, отправленного Шабельской в 1895 г. историку И.Е. Забелину. В нем собирательница сообщает, что уже снято 175 фотографий одежды. Но существует и еще одно важное свидетельство: «В.В. (Владимир Васильевич Стасов. — Е.Б.) очень часто интересуется задуманным Н.Л. (Натальей Леонидовной Шабельской. — Е.Б.) предприятием — изящным изданием в фотографиях памятников ее коллекций»⁴. Поддерживаемая Стасовым идея «изящного издания» предполагала, на наш взгляд, совершенно другую по характеру и техническим характеристикам съемку, нежели обычная фотофиксация предметов. И делали ее, вероятно, не просто профессиональные мастера, а лучшие из них. Воспроизведенные в харьковском сборнике 1909 г. снимки, запечатлевшие предметы коллекции и даже знаменитый «русский теремок», устроенный Шабельской на Парижской всемирной выставке

1900 г., имеют подпись — «Шерер и Набгольц». Эти мастера были очень известными в Москве фотографами, неслучайно именно они увековечивали предметы из «Музея старины» Шабельской. Кроме того, они много работали и с издательствами, выпускавшими иллюстрированные альбомы, те самые «изящные издания», о создании одного из которых мечтала для своей коллекции собирательница.

Интересно, что в харьковском издании 1909 г. (а не 1908 г., как ошибочно указано в альбоме 2009 г.), т.е. ровно за сто лет до выхода в свет парижского альбома, впервые были опубликованы и две фотографии, на которых запечатлены сестры Шабельские в костюмах Нижегородской и Архангельской губерний. Эти снимки Шерер и Набгольц не подписали, что говорит о том, что делал их другой фотограф. Вероятно, именно он создал и 16 снимков сестер Варвары и Натальи Шабельских, представленных на парижской выставке 2009 г. Видимо, это был специалист портретной съемки, так как все портреты девушек наделены выразительными психологическими характеристиками. Но вместе с тем, снимая не только сестер Шабельских, но и ряд других моделей в эффектных национальных костюмах и с предметами обихода, этот мастер уже ставил перед собой задачи явно другого, модного в то время жанра. А это подразумевало, прежде всего, презентацию одежды, показ ее наиболее выигрышных ракурсов и интересных деталей. Задорная улыбка или девичья грусть при этом совершенно не нужны, так как отвлекают зрителя от разглядывания костюма. Но фотограф еще не совсем мог отказаться от привычной задачи портретиста, и почти все его персонажи — еще не совсем сформировавшиеся, привычные для сегодняшнего дня модели, в которых обязательна некоторая отстраненность и равнодушие, а живые девушки с вполне яркими индивидуальностями. Видимо, именно это и привлекло французских издателей, которые

«подали» снимки столетней давности в очень современной манере — на полосе без полей, «навылет», лишь слегка придав им «сепированный» коричневатый тон, подчеркивающий своеобразную «патину времени».

Надо отметить, что фотографии, которые были выставлены в Париже вместе с костюмами, типологически не совсем одинаковы — некоторые сняты на пленере: костюмы рязанской (с. 33—36), тульской и курской губерний (с. 37, 38). Выделяясь из общего иллюстративного ряда, они напоминают этнографическую по жанру съемку и мало представляют своеобразный «модный показ», который демонстрируют большинство студийных снимков. Несомненно, замечательная фотоколлекция, которая попала в Российский этнографический музей значительно позже костюмного собрания — в первой четверти XX в. из Дашковского музея в Москве, — ставит интересные вопросы не только в деле изучения коллекции Шабельской, но и истории русской фотографии, являясь для ее исследователей, как справедливо утверждается, «абсолютно самостоятельным феноменом».

Наряду со статьей К.Ю. Соловьевой о фотографиях в альбоме опубликована и статья Е.Л. Мадлевской о костюмах, в которой лаконично сообщается интересный и необходимый для зрителей набор базовых сведений об особенностях одежды разных регионов, отличительных деталях нарядов, головных уборов, обуви, о разнообразном характере женских украшений и аксессуаров.

Принципиально важной деталью этого стильного и элегантного альбома является его «двуязычие» — наличие французского и русского языков подчеркивает не только партнерское равноправие организаторов выставки, но и уважение к зрителям из России, которые охотно посещают сегодня интересные экспозиции как у себя на родине, так и во французской столице.

¹ Редин Е.К. Письма В.В. Стасова к Н.Л. Шабельской // Сборник Харьковского историко-филологического общества. — Т. XVIII. — Харьков, 1909. — С. 207, 208.

² Стасов В.В. Наталья Леонидовна Шабельская. Статьи и заметки. — Т. 1. — М., 1952. — С. 195, 196.

³ Израилова С. Чудный русский теремок. История коллекции Натальи Шабельской // Родина. — 1998. — № 7. — С. 55.

⁴ Редин Е.К. Письма... — С. 211.

Рецензия на книгу: Смерть в Махараштре: воображение, восприятие, воплощение / Руководитель проекта и научный редактор И.П. Глушкова

МОСКВА: ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАТАЛИС», 2012. — 816 с. с илл.

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА АЛЬБЕДИЛЬ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук
(Кунсткамера), Санкт-Петербург

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
e-mail: albedil@inbox.ru

В рецензируемой книге под одной обложкой собраны научные статьи русских и иностранных авторов из Индии, Канады, США и Австралии, а также переводы маратхских стихов, эссе и драматургических произведений, в которых проанализировано и продемонстрировано восприятие смерти и отношение к ней маратхов, одного из крупнейших этносов Индии. Эти разножанровые произведения, складываясь в итоге в объемную панорамную картину, показывают, как тесно и многогранно пространство смерти смыкается с жизнью и делами живых, действуя как мощный этнокультурный фактор и формируя особую ментальность маратхов.

Ключевые слова: смерть, жизнь, маратхи, параметры коллективного сознания, культурообразующий фактор, организация пространства и времени, этническая традиция.

UDC [128/129:2-186](082.1)

Review of: Death in Maharashtra: Imagination, Perception, Expression / Project Supervisor and Sc. Editor: I.P. Glushkova

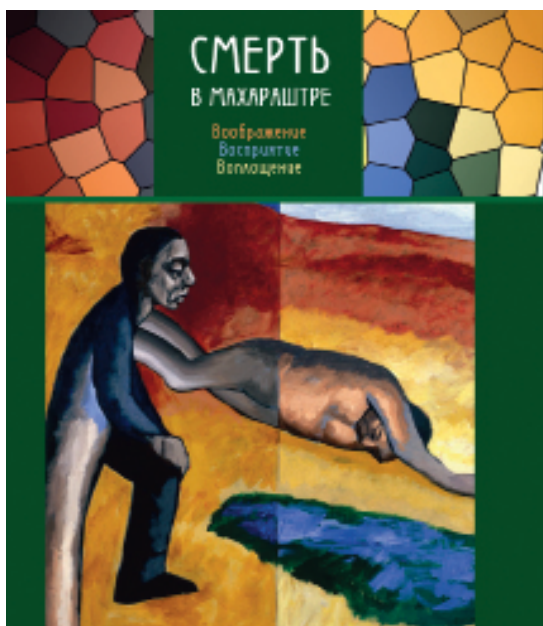
MOSCOW, NATALIS PUBLISHERS, 2012, 816 pp. with ill.

MARGARITA F. ALBEDIL, Sen. D. (History)

Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
e-mail: albedil@inbox.ru

The book reviewed has brought together under the same cover scholarly articles by Russian and foreign writers from India, Canada, United States and Australia, as well as translations of Marathi poems, essays and plays that analyze and illustrate the perception of death and attitude to it by the Marathi people, one of the major ethnoses of India. These works in different genres, adding up to form a panoramic picture in high relief, demonstrate how close and multi-faceted is the knitting of the space of death with the lives and deeds of the living, providing as it does a powerful ethno-cultural factor and moulding the Marathi people's special mentality.

Key words: death, life, Marathi, parametres of collective conscience, culture-forming factor, organization of space and time, ethnic tradition.

Тема смерти, вечная в искусстве, истории и философии, в нашем обществе долго и основательно устранялась из бытовой жизни, ограничив ее рамками частной скорби. И сейчас она все еще воспринимается как не вполне приличная и почти всегда неуместная. Трудно представить себе, чтобы ее безмятежно обсуждали, например, во время дружеской вечеринки или семейного застолья. Большинство людей ведет себя так, будто бы смерти вообще не существует, и говорят о ней, прибегая к различным эвфемизмам, словно стараясь подтвердить афоризм Ларошфуко: «Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор»¹. Это можно объяснить, видимо, тем, что мышление западных людей направлено, прежде всего, на внешний мир и пронизано интеллектуализмом и рационализмом.

Между тем смерть — один из существенных параметров коллективного сознания и важнейший компонент картины мира в любом обществе и в любой исторический отрезок времени. Отношение к смерти считают одной из существенных характеристик культуры, так как оно выявляет самые глубинные тайны человеческой личности. Некоторые ученые даже полагают, что по отдельным признакам отношения к смерти можно судить о характере той или иной культуры и об особенностях мировоззрения народа.

Современные литература, искусство, театр и кино не обходят эту тему своим вниманием. В науке она также часто попадает в центр вни-

мания исследователей как объект изучения представителей отдельных гуманитарных дисциплин, междисциплинарных исследований или в качестве академических предметов в рамках различных дисциплин.

При обращении к традиционным этническим культурам, как правило, чаще всего исследуются идея смерти и погребальная обрядность, ее структура, функция и семантика². Прежде всего уделяется внимание таким аспектам темы, как ритуальная смерть и ее функции в обрядах инициации, половозрастные корреляции в отношении к смерти, мифическая география загробного мира и его место в модели мира и т.п. «Прирученная смерть» — этим термином французского историка Ф. Арьеса, чья книга «Человек перед лицом смерти» вызвала острый научный интерес к обсуждаемой теме, можно условно обозначить отношение к смерти в традиционных обществах³.

Сравнительно недавно вышедшая книга «Смерть в Махараштре: воображение, восприятие, воплощение» заметно выделяется на фоне всего, что написано на эту тему за последние годы. Она уникальна уже тем, что представляет собой плод совместных усилий ученых из России, Индии, Австралии, Канады и США и поэтов, писателей и драматургов Махараштры. В этой книге впервые на русском языке вокруг темы смерти собраны события и судьбы, ритуалы и войны, празднества и имена, связанные с мегарегионом Махараштра с населением более чем 112 млн. человек, разрезающим полуостров Индостан на север и юг и занимающим особое место в истории и культуре Индии. Словом, в книге отражены те основные этнические и культурно-исторические ценности маратхизычного этноса, которые феномен смерти притягивает к себе подобно мощному магниту, увековечивая порой даже мимолетные мгновения из преходящего бренного мира.

Тема смерти стала поводом и для предъявления русскому читателю разных граней маратхизычной литературы так полно, как никогда ранее. Известный маратхский художник Судхир Патвардхан предоставил картину для обложки рецензируемой книги; его работы украсили и ее страницы. Впервые опубликованный в книге обширный литературный и изобразительный материал придает ей дополнительную ценность как первоисточника. Переводы на русский язык маратхских стихов, пьес и эссе, представляющие бесспорный интерес для филологов, могут оказаться полезными и при изучении общих вопросов этнопсихологии и воспроизводства этнокультурной информации в общественном эволюционном

процессе, а также при исследовании общего и уникального в историческом развитии Махараштры и шире — Индии.

Результатом столь широкого и плодотворного сотрудничества исследователей-иностранцев и авторов-маратхов, принимавших живейшее участие в подготовке переводов их произведений на русский язык, стала весьма объемистая книга, которая по жанру, форме подачи материала и другим критериям не укладывается в привычные рамки научных жанров, растиражированных стереотипов и узнаваемых категорий. Это не бесстрастное описание ожидаемых научных тем и сюжетов, сделанное рефлектирующими исследователями, не беспристрастный анализ терминов и смыслов, не сравнительно-типологическое исследование похоронных ритуалов и других процедур, обычно ассоциируемых со смертью.

Можно сказать, что у книги есть живой нерв и особый эмоциональный настрой, в котором перемежаются боль и удивление, пафос и ирония. Все, что вошло в книгу, пишет руководитель проекта и научный редактор И.П. Глушкова, «проживалось мною на протяжении почти сорока лет вовлеченности в Махараштру как часть моей профессии, или как кусок личной жизни, или как профессии вперемешку с личной жизнью (даже то, что выглядит далекой историей XIII или XVII вв.)» (с. 41). Уже само название книги показывает, что в ней тесно переплелись воображение, восприятие и воплощение разных форм смерти у индусов и мусульман, парсов и христиан, буддистов и иудеев из Махараштры, поэтому книга не могла не стать разножанровой.

Совершенно неоспоримы как неизбывная актуальность главной темы рецензируемого издания, так и ее непреходящая важность не только для науки, но и для нашего общества, порой стыдливо ее избегающего. Индийский материал, пожалуй, как никакой другой, позволяет раскрыть самые разнообразные грани трудно постижимого феномена смерти как последнего жизненного рубежа каждого человека. В индийской традиционной культуре представления о смерти, о посмертном существовании, похоронная обрядность, мифы и ритуалы, социальные институты, литература, философские построения, связанные с ней, занимают весьма значительное место; более того, они особо выделены. Выделенность всего этого сложного и объемного комплекса объясняется по крайней мере двумя причинами: во-первых, в жизненном пути человека смерть — последний акт жизненной драмы и последний обряд жизненного цикла, замы-

кающий существование уже состоявшейся судьбы; во-вторых, жизнь и смерть здесь не просто соприкасаются и пересекаются, но и проявляются во всей непостижимой глубине смыслов. Как писал Л.Н. Толстой: «Если жизнь благо, то благо и смерть, составляющая необходимое условие жизни».

Подобные мысли приходят в голову при чтении первых же страниц рецензируемой книги, посвященной восприятию многогранного феномена смерти в Махараштре. Хотя региональные рамки книги обозначены уже в ее названии, в действительности они раздвинуты значительно шире благодаря разнообразным сопоставлениям и сравнительному анализу некоторых приводимых материалов.

Своеобразным камертоном, настраивающим отнюдь не на пессимистичное восприятие привычно трагической темы смерти, служит ее определение, данное в «Словаре индийской культуры», изданном на языке маратхи и приведенное в рецензируемой книге. Согласно ему «смерть — это украшение жизни, поскольку именно из нее и из-за нее в жизни сложились все законы и правила» (с. 13). Эти слова могли бы послужить эпиграфом к книге; все ее содержание подтверждает эту мысль.

Композиционная структура книги кажется вполне удачной, продуманной и стройной, хотя И.П. Глушкова уверяет читателя, что книга «создавалась без предварительного плана и не стала реализацией «придуманной» концепции» (с. 41). Она оговаривает и специфический методологический принцип работы с обширным материалом: ««сопротивление ожидаемому» и «отказ от соединения несоединяемого»» (с. 41). Я бы добавила, что этот метод можно определить как полифонический и синтетический, при котором мысль стремится охватить предмет всецело и всесторонне, используя одновременно анализ и синтез, изучение и воссоздание.

На протяжении всей книги отдельные грани, черты и свойства неисчерпаемо глубокого понятия смерти постепенно раскрываются, конкретизируются, наполняются новым содержанием и анализом воздействия феномена смерти на живых, так что в итоге у читателя может сложиться вполне адекватное представление о том, чем же является смерть для жителей Махараштры и насколько глубоко она проникает в самые разные сферы их жизни. Фактически она оказывается едва ли не главной точкой отсчета каждой осознанной жизни; именно она заставляет постигать и осмысливать прошлое и строить будущее. Авторы статей и других материалов книги не только

вторгаются в темную и зыбкую область индивидуальных эмоций, но и создают в итоге один из наиболее полных, объемных и панорамных рассказов о культурно-историческом наследии Махараштры и о некоторых особенностях маратхского этноса.

В этом регионе, как и во всей Индии, смерть порождает важные для общества ритуалы и традиции, корректирует способы восприятия времени и пространства, генерирует яркие индивидуальные переживания, влияет на поведенческие нормативы, продуцирует социальное насилие, оказывается историческим архивом и, наконец, служит источником творческого вдохновения. Ее следы просматриваются в исторических коллизиях и в современных политических актах, а ее последствия накладывают отпечаток на отношения человека с природой, обществом и самим собой. В результате насыщенная столь разнообразными и глубокими смыслами смерть «фактически становится культурообразующим фактором и самими маратхами признается силой, содействовавшей превращению этноса в нацию» (с. 29).

Книга начинается с Пролога, озаглавленного «*Ars moriendi ars vivendi est*», что значит «Умение умирать составляет искусство жить». Она действительно посвящена тому, о чем мы редко задумываемся — о глубокой укорененности смерти как важнейшего культурно-исторического института в жизни каждого этноса. Понятие смерти, обозначающее одновременно и сущность и состояние, показано как главный принцип причинности почти всего, что имеет какое-либо отношение к человеку и его нации.

Следующий за Прологом раздел под названием «*Memento mori*» и служит своеобразным введением. Его открывает статья И.П. Глушковой «Следы и наследие. Извлечение посмертных смыслов». Ее автор, глубоко и досконально изучившая институт паломничества в Махараштре и сама освоившая не одну паломническую тропу⁴, на обильном фактическом материале показывает, как умершие святые поэты, «живые покойники», чьи места смерти почитаются в качестве источников неиссякаемой сакральной энергии, побуждают паломников своими живыми телами физически заполнять пространство маратхиязычного региона, выступая колоннами из мест, где святые поэты традиции варкари гипотетически завершили свою земную жизнь, в Пандхарпур, важнейшее место паломничества бхактов-варкари.

Многолюдные паломничества, по сути, «празднества смерти», которые проходят в жизнеутверждающей атмосфере песен, музыки и танцев, приурочены к определенным дням, рас-

пределенным на протяжении всего календарного года. Таким образом, смерть оказывается причастной к организации и освоению пространства и времени в Махараштре, а ее локусы превращаются в важные системообразующие элементы местных этнических традиций, преобразующих ландшафт и сохраняющих традиционный календарь. Столь тесная связь мертвых и живых, многократно интерпретированная в мифологии и архитектуре, литературе и кинематографе, истории и повседневности, сформировала своеобразный этнокультурный феномен, занявший особое место в менталитете маратхов и помогающий им выстраивать свою национальную идентичность (с. 59—74, 98).

Насыщенная обильным фактографическим материалом статья И.П. Глушковой, тем не менее, читается легко и увлекательно, а ее подзаголовки не могут не завораживать: «Воспроизводство смерти как жизнь», «Убийство и его интерпретация как животворящий элемент» и т.п. Свообразным подтверждением и раскрытием некоторых высказанных И.П. Глушковой положений служат примыкающие к ее статье стихи и эссе маратхиязычных авторов.

Завершается раздел статьей С. Сидоровой «Медестра из Бомбея: жить или не жить?», повествующая о трагической судьбе медестры Аруны Шанбауг, ставшей жертвой жестокого преступления и после этого не одно десятилетие пребывающей в вынужденном больничном заточении в хроническом вегетативном состоянии. Читателю приходится размышлять вместе с автором статьи, может ли смерть стать для нее выходом из этой тяжелой ситуации или эвтаназия — недопустимое вмешательство в естественный природный процесс?

Все последующие разделы книги носят красноречивые названия, отражающие темы, которым они посвящены: «Последний вздох», «Последнее испытание», «Последняя жертва», «Последний недуг», «Последнее слово», «Последний путь», «*Post mortem*». Разделы построены по сходному принципу. В них в пределах каждой темы соединен разножанровый материал: статьи, написанные русскими и иностранными авторами, соседствуют с эссе, стихами и даже пьесами абсурда, сочиненными маратхами. До эпохи постмодернизма такое смешение жанров показалось бы недопустимым, но сейчас оно кажется естественным и оправданным, поскольку позволяет высветить центральную тему книги с разных позиций как изнутри индийской традиции, так и извне ее, при помощи рационально-логического исследования и эмоционально-художественного соприкосновения с ним. Тем самым авторы

смогли продемонстрировать разнообразные грани этнокультурного воспроизводства и многочисленные отражения смерти как сложнейшего явления на разных уровнях существования этноса в истории и современности.

Как кусочки стекла в калейдоскопе складываются определенным образом и создают одну за другой завораживающие картинки, так и разделы этой книги объемно вырисовывают контуры феномена смерти в его культурно-историческом и цивилизационном измерениях и в итоге выстраиваются в целостную картину жизни мархиязычного этноса. Сходные ассоциации разнообразия и многоцветия темы вызывает и мозаика на обложке и форзаце книги с вкрапленными в нее изображениями индийских лиц, выполненных, как уже упоминалось, художником Судхиром Патвардханом.

Книга завершается эпилогом под названием «*Ars longa, vita brevis*». В нем И.П. Гушкова уверяет читателя, что «книга не дописана», поскольку «объем труда достиг размеров, когда коллектив авторов вынужден остановиться, не исчерпав темы в масштабе, соответствующем «пространству и времени», богатейшей истории и литературе региона ограничителя — Махараштры» (с. 785). Но может ли быть завершена книга, тема которой устремлена в бесконечность?

Разумеется, при желании в книге можно отыскать места, по поводу которых возможна полемика. Однако вряд ли она всегда оказывается единственным способом продвижения вперед гуманитарного знания. Такая сложная, объемная и многоаспектная тема не может быть полностью исчерпана в одном издании, поэтому неизбежно какие-то ее стороны рассмотрены более полно, для других только намечены основные параметры, а третьи лишь обозначены. Но И.П. Глушкова, предвосхищая возражения подобного рода, уже в Прологе отмечает, что эта книга не идеальна. Да и возможна ли в принципе идеальная книга, признаваемая таковою всеми читателями без исключения?

Кажется более уместным судить о работе не потому, что в ней отсутствует и не по ее недостаткам, а по ее реальному содержанию.

Поэтому мне хочется заменить традиционную для такого рода рецензий «ложку дегтя» словами благодарности руководителю проекта и научному редактору, авторам, переводчикам, издателям и спонсорам этого замечательного проекта. Без их совместных усилий, увлеченности своим делом, высокого профессионализма и не просто интереса, а преданной любви к предмету своего исследования эта уникальная книга не смогла бы появиться на свет.

Несмотря на некоторые трудности понимания, иногда возникающие при чтении этой книги, хотя она и снабжена подробным глоссарием, ее не хочется откладывать сразу после того, как перевернута последняя страница. Насыщенный, разнообразный и интересный материал, собранный в ней, постоянно притягивает и побуждает перечитывать некоторые страницы, чтобы глубже проникнуть в жизненные перипетии маратхов, как наших современников, так и принадлежащих истории, понять многообразные психологические, межличностные и социальные отношения, формирующие их этническое своеобразие.

Я бы посоветовала читать книгу «Смерть в Махараштре: воображение, восприятие, воплощение» не только тем, кто занимается Южной Азией, не только специалистам этнографам, филологам и историкам, но и всем тем, кто интересуется, как в теоретическом, так и в практическом плане, отношением людей к проблеме смерти.

Материал книги богат и достоверен, а потому многие специалисты, какими бы народами они не занимались, найдут в ней «пищу» для сравнений, сопоставлений и рассуждений. Бесспорно, книга имеет также и практическую и информационно-справочную ценность для разных категорий читателей. Хотелось бы подчеркнуть, что ее проблематика выходит за рамки сугубо академических интересов. Она может оказаться интересной, например, для политиков, которые часто апеллируют к этнонациональному фактору для достижения своих целей. В сущности, эта книга посвящена одной грани огромной вечной и непреходящей темы — проблемам взаимоотношения личности и культуры, которая касается каждого человека.

¹ Ларошфуко Ф. Мемуары. Максимумы. — М., 1971. — С. 152.

² См., например: Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири. Этнографические очерки. — СПб., 2007.

³ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. — М., 1992.

⁴ Глушкова И.П. Индийское паломничество: метафора движения и движение метафоры. — М., 2000; Она же. Подвижность и подвижность. Теория и практика тиртха-ятры. — М., 2008.